

ГАВРИЛО

1934

Один из донецких кооперативов
закупил на 4 тысячи руб. ночных
горшков.

Центральна Наукова
бібліотека при ХД.
Inv. № 170832

8 ГАВРИЛО. Вот так штука... В добрый час. А еще твердили свету, что давно уже
нас генералов белых нету! Разобраться мне кабы в этом деле больно жутком:—чем
ебета тут слабы, головою, иль желудком?

НЕ ВЕРИТСЯ.

- А скажи, мать моя, это кооператив или частная магазин?
- Кооператив. А что?
- Да уж больно приказчик деликатный...

Урок географии.

- Где находится Берлин?
- В сердце Германии.
- Где находится Версаль?
- В печенках у Германии.

Все равно.

- Что это ты по земле ползаешь?
- Дву... ик... двугривенный потерял... на том углу.
- Чего-ж ты здесь ищешь?
- Здесь как будто светлее...

Старое по новому.

- Митька, иди на собрание.
- Не могу: ногу натер.
- Митька, иди пособие получать.
- А где мои сапоги?

Сложная тарификация.

На телеграфе все сокращенные названия не принимаются в расчет. Каждое такое название тарифицируется по числу входящих в него слов. На этой почве много недоразумений.

- Примите телеграмму.
- Пожалуйста.
- Москва. ВСНХ. Иванову. Жду. Петров.
- Прекрасно. С вас 1 рубль 41 копейка.
- Что такое? За что так много?
- Ничего не много. 21 слово, по 6 копеек—1 рубль, 26 копеек. Бланк—15 копеек, итого—1 рубль, 41 копейка. Поняли?
- Позвольте! Там всего пять слов.
- Пять слов? Ну, и народ-же пошел! Так и норовит казну обмануть... «Москва»—это одно слово?
- Одно.
- Так-с. А ВСНХ—тоже одно слово? Вы думаете, что я не знаю, что это—высший совет народного хозяйства? Четыре слова, вот что...
- Но позвольте...
- Нет уж это вы позвольте... Пойдем дальше... «Иванову»—это сколько слов?
- Одно, конечно.
- Послушайте, не крутите мне пуговицы! «ИВАНОВУ»—это значит: «Институт высшего активного народного образования всех учащихся». Еще семь слов.
- Послушайте...
- Нет уж лучше вы послушайте... Следующее слово «ЖДУ». Всякий дурак поймет, что это «Железно-дорожное управление». Еще три слова.

- Но...
- Не нокайте... Не запрягли... Дальше—«Петров». Это что такое?
- Это моя фамилия.
- Не берите меня на бас... Петров—это значит: «Посреднический единый тарифно-расценочный отдел востока». Значит, еще шесть слов. Итого—21 слово. А вы говорите...
- Постойте. Чго-же получается?
- Москва. Высший совет народного хозяйства, институт высшего активного народного образования всех учащихся, железнодорожное управление, посреднический единый тарифно-расценочный отдел востока. Белиберда какая-то. Где же смысл?
- Это меня не касается. С вас 1 рубль, 41 копейка. Поняли?
- Вполне. А скажите, ИДИОТ,—сколько это слов?
- Попрошу вас не ругаться!
- Ага! По вашему это одно слово? А по моему—идиот, это: «Идеальное, добросовестное, изумительное отношение телеграфиста». Поняли?

«ДРУГ ДЕТЕЙ».

— Дяденька, дайте копеечку.
— Пошла вон. Еще мала для меня.

ПЕСНЬ О ТОВАРИЦЕ МЕТЕЛКИНЕ.

Товарищ Метелкин был ловок и скор
Веселый, проныраливый малый.
Метелкин был сторож, а также рабкор
При складе матрацной мочалы.

В часы, когда мир безмятежно уснет,
Не видит его и не слышит,
Товарищ Метелкин тут
Свечку зажжет
И пишет, и пишет,
И пишет.
Однажды в контору по
делу попав,

Насвистывал бойко он марши.
И слышит, смеется раскатисто Зав.
Под радостный визг секретарши.
Он к щели замочной у Завы приник,
Застыв в неподвижном покое...
И тут подавив возмущения крик,
Он зрит в кабинете такое.

Товарищ
Метелкин
обидай
томим,
От злости
трясет
лихорадка.
При этом
на складе
замечена
им
Мочалы
большая
нехватка.

И лицом раскрылся кошмарный обман.
Его результаты не малы:
У Завы большой с секретаршей роман
С пропажей казенной мочалы.
И скоро стряслася над Завом гроза:
Заметка с игривым пошибом
Попалася Заву случайно в глаза.

У Завы тут

Почуявши

И призрак

Зав воет

волосы
дыбом.
близкую
злую беду
большого
позора.
свирепо:—

Хоть лопну, найду

Предателя злого рабкора.

Вот ночь распустилась широким ковром,
Повеяла тихо прохлада.

Чу... Кто это ходит во
тьме с фонарем
Под дверью мочального
склада?

И в щелку дверную он
робко глядит
Застыл неподвижно, не
дышет.

И видит, Мочалкин при
свете сидит,
И пишет, и пишет,
и пишет.

А утром заплакал Метелкин рабкор.
Расчет получивши без права.

Вдруг видит
с портфелем
идет прокурор
Держа направление
на Заву.

Итоги не трудно
теперь
угадать.

Зав в тесной
каморке
чуть дышет.

Товарищ Метелкин на складе опять
Все пишет, и пишет, и пишет.

В Эстонии.

— Ну, что согласен арестованный
признаться в принадлежности к коммунистам?

— Никак нет! Молчит, потому — без сознания.

— Что-ж, молчание — знак согласия.

По писанию.

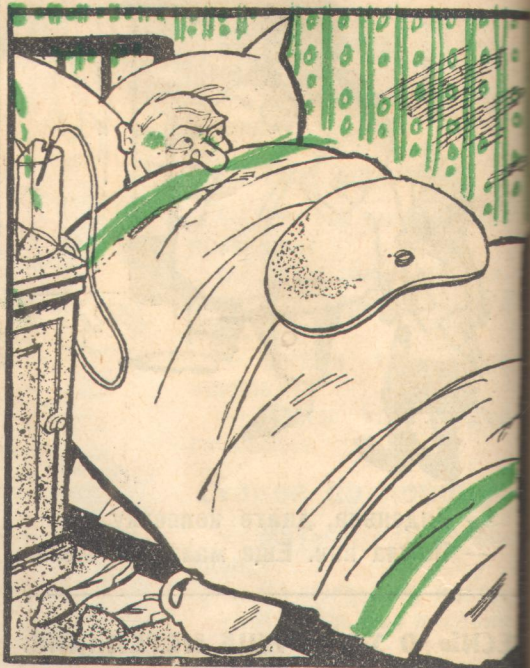
— Попадья: Опять пьешь, отец?
Убери ты, господи, к черту свой самогон! Терпеть не могу.

— Поп: А ты терпи, мать. Господь терпел и нам велел.

ВСЯКОЕ БЫВАЕТ.

Иногда бывает сперва масленица.

А потом пост.

Впрочем, частенько сначала—
пост.

Потом уже—масленица.

Примечание наборщика. А порою и ДОПР.

ДОДУМАЛИСЬ.

Запорожский межсоюзный клуб увлекся устройством различных уголков. Наряду с Ленинским и другими уголками, был устроен „уголок контр-революции“, где были собраны портреты Романовых, всех белых генералов, их воззваний и т. п. Из отчета Запор. клуба культотдела ВУСПС.

— Куда прете!.. Посторонним сюда нельзя!...

— Пусти, родимый, хоть одним глазком взглянуть. Потому нигде этой благодати не видно.... Только вас надоумил господь!... Свыше вас, должно быть, осенило....

Единственный выход.

Зашел разговор о волоките и канцелярских порядочках вообще.

— Потребовалась мне маленькая справка, — сказал первый: и что же вы думаете: 3 месяца слонялся за ней, три пары американских ботинок износил, 60 рабочих часов потерял, 4 мозоли натер, по меньшей мере, тысячу болячек управделу пожелал...

— Пустяки — отозвался второй, мое дело год мариновали. И еще бы год завтраками кормили, да спасибо обнадежили...

— Разобрали, значит, дело твое?

— Где там! Потеряли.

Эх, братцы, — укоризненно прервал третий: не умеете вы, друзья, с волокитой бороться. Вот и натерпелись вволю. У меня приятель башковатый на этот счет. Подал он, понимаете, прошение, ну и, конечно, полгода за резолюцией ходил. Ходил — ходил, ходил — ходил, ходил — ходил...

— Ну и что же?

— Да же и говорю — ходил — ходил, ходил это он, ходил...

— Да чем кончилось то?!

— Ходил это он, ходил. И вдруг осенило его. Взял он да и... плюнул на все. Все равно, говорит, сколько ни ходи, ничего

не выходишь. Зачем же, говорит, себя понапрасну утруждать... Умно, шельмец, поступил. Неправда ли? А вы говорите...

Жили-были...

Беру кусочек были,
Перу работу дав:

Отдельно жили-были
Поп, спец, кулак и Зав.
Все шло у них по чести,
Обзавелись мощной...

Ан смотришь — в ДОПР'е вместе,
Все в камере одной...

За что-ж? И есть вина ли?

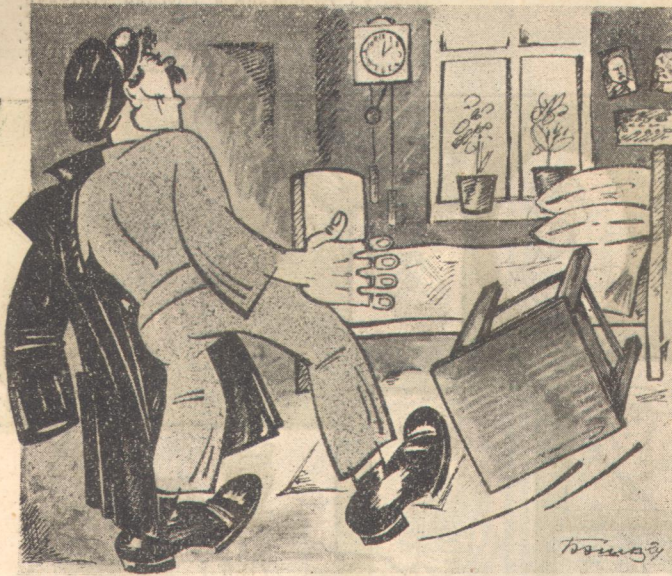
О, не одна, — вагон!

Одни монету гнали,

Другие — самогон.

ОН НЕДОВОЛЕН.

— Жена в клубе, или на собрании... И некому тебе морды набить. Не жисть, а жестянка.

Ограбление поезда.

(Рассказ из недавнего прошлого).

Ездил я было время в Москву, и случай в дороге такой вышел, что и рассказать стоит.

Приехали это мы, какую-то станцию и взошли в лес. Ночь, темнота, вьюга еще к тому. А дело зимой. Из окна глянешь в одну сторону—лес, в другую—тоже лес. И не столько видишь, как чувствуешь, потому сам я лесовик. Да.

Так вот как-то тревожно стало с пассажирами. Которые по своим делам, те то и знай в чемоданчиках роются, вынимают, вкладывают, по карманам прячут, волнуются. А прочие, командировочные, да на с'езды которые, те барабанят по стеклам, револьверы проверяют, с начальником охраны беседуют. А сосед мой (об нем все дело), он—сам по себе. Никуда не идет, ничего не делает.

— Я, говорит, к этому самому привычный. Потому как был я в девятнадцатом году начальником эшалона. И до чего часто эти самые ограбления бывали, что я даже бандитов по именам знал. Говорю бывало. Хмара, там али Ангел, брось, говорю, не узнал своего человека. Почитай не впервой встречаемся. До кой поры будешь меня грабить. С одного вола семи шкур не дерут. Разок ограбил, и

будя. Пора и честь знать. И сставляли в покое, прав слово, оставляли.

А надо вам знать, сосед мой человек был положительный, солидный, не какой-нибудь «фу ты, ну ты»; корпусом человек: подуешь, не улетит. Фигура фундаментальная—пудов на семь весть. И все при нем портфель толщенный, бумагой, набитый с золотыми узорами в доской сверху. И нет того, чтоб положить его где, а рядом держит, да еще и рукой придерживает. Значит, в нём бумаги действительно важные какие, государственные.

Видать сразу, человек специальный, замечательный. И в разговоре все «да» «я» «и власть мне дана».

«а на заводе у меня так то было и прочее. Что ж, очень просто, работа значит ответственный. Потому и не боится повидал, побывал.

Как вдруг Вестингаз хлоп, а поехали возьми да стань. Переполох, известные Щелкают кобуры, звенят шпоры. Кто к окнам, кто на площадку. Сосед мой зацепил то на полу и приказание отдает:

— Отойти от окон! Ложись на центр, потому там пуля не возьмет,—а сам френча орден хватить и портфель на скамью от себя подальше. Без сапог верхнего стал совсем, как те, что в своим делам едут.

— Портфель,—говорит,—не знаю чей значек тоже не мой, а сапоги и вовсе чужие.

Но, вот возвратились с площадки. Проверка была значит для охраны. Никакого ограбления. А храбрец мой вылез из-под скамьи. И оказалось, что ехал он на с'езд бухгалтеров, и сам-то был «птичка величка». Так-то оно.

На базаре.

— А колбаса то ваша того... душком.

— Повисели б вы три месяца, вами не то еще было-б.

— Ну как, сделали уже свой аэроплан?

— Нет, мы больше по планеризму работаем, пока только планы делаем.

ТОЖЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ.

Все отчисления с доходов „Казино“ идут на беспризорных детей.

- Я беспризорных детей обеспечил.
- Чем?
- Все свои деньги вчера в железку спустил.

ЭКЗАМЕН.

Замечено, что на некоторых предприятных инициаторов борьбы с матерщиной свои же товарищи встречают насмешкой.

— Ну-с ребята, сказал токарь Кувалдин — поздравьте меня с поумнением. Был я самым что ни на есть заядалым ругательником, но теперича, — шабаш. Будь я трижды анафема проклят, ежели... Матюкаться я, братишечки, бросаю.

Ребята ехидно переглянулись.

— Это ты при бабах, что-ли, бросаешь свои выражения? — спросил Серега: дело, брат! Баба — она существо нежное, нервное. Не выносит она „трехэтажной“ высоты. Дух у ей захватывает. А в своей компании, почему-ж? Ругайся, сделай отдаление.

— Нет, миляги, в корне я бросил ругаться. В общем и целом... Скверно, друзья, мать затрагивать. Мать то... святая она, страдальца. А мы... тьфу!

— А ты, Кувалдин, в бабушку попробуй, — заметил кто-то: полегче будет.

— Пошел ты к... свиньям собачьим с твоими шуточками!

— Ха-ха-ха, — покатались ребята со смеху, „к свиньям собачьим“. Ишь, ты... великий какой.

— Подумаешь, — подхватил Митька: тоже выражение. А еще взрослый. Да у меня может пацан так иной раз загнет, что самому тошно становится. Стыдись, Кувалдин.

Кувалдин терял терпенье.

— Бросьте, ребята, дурака валять. Мое слово — железо. Порешил не ругаться и не буду... И ничем вы меня, сволочи, не вынудите язык опоганить.

Но ребята не унимались. Решили таки доканать Кувалдина.

— Нельзя нашему брату без мату — закинул удачку сорви-голова Митька — ска-жем накипело у тебя в грудях, и злость тебе хочется на комнибудь сорвать. Загнул в селезенку, смотришь малость и отлегло. Небесную канцелярию помянул, тлядишь, и совсем полегчило. Накажи меня старший сапог, сам испытал.

— Или, неровен час, горькую запьешь, — вставил Серега, ухмыляясь в усы.

Слушал — слушал Кувалдин, как ребята из него „воду качают“. Досадно было. Хотелось всех послать к такой-то.

Но сдержался парень. Плюнул и ушел из цеха.

Экзамен на культурного и сознательного выдержал на пять с плюсом.

А товарищам после ухода Кувалдина стыдно стало.

Митька поскреб затылок и пробурчал:

— Кремень. Не проймешь его... Эх, мать... честная, курица лесная, брошу-ка и я сквернословить. Поскудное это занятие.

ОЧЕНЬ СТРАННО.

И черт его... ик... знает!.. Машина... ик... на спирту во как прет. А человек ежели на спирту, совсем ходить не может...

Глядишь на кино-дело,—ликуют душа и тело. К любой кампании

Подгоняется тонко
Ко дню беспризорного ребенка.

Кино—победа
К празднику Рабмеда.

Подойдет с размаха
К недельнику Госстраха.

рути веселей
с'езду учителей.

Ю ДЕЛАЕТ ОНО.

анимации в состоянии; себя не уронит и к моменту картину подгонит.

Тоже к моменту—
В неделю помощи пролетарию-
студенту.

Подходит смело
Ко дню борьбы с продажей
женского тела.

Дается с душой открытой
Ко дню борьбы с волокитой.

И, наконец, для большего интереса
К годовщине смерти Жореса.

ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ.

„Взойдя на престол“, Кирилл отправился за поддержкой к римскому папе.

КИРИЛЛ: Если в России с материнской теперь далеко не уйдешь, то авось с „паперщиной“ удастся пройти.

На совдурацком фронте

„Поспешить людей насмешишь“.

В Артемовском округе, на Донбассе окружная инспектура народного образования постановила реорганизовать заводскую школу семилетку в школу дозаводского труда (Д. З. Т.).

Прошло два месяца со дня принятия решения и все по старому...

— Саша, чего ты так медленно в школу идешь? К звонку опоздаешь...

— А чего мне спешить. Я еще к дяде по дороге зайду и к тете в Ростов на пару месяцев поеду и в аккурат, после кругосветного путешествия пешком, на дело и поспею...

— А реорганизация если, вдруг на самом деле произойдет, что тогда?

— Что ты смеешься, что ли? Где Наробраз и завком сразу участвуют там делают основательно. А ты хочешь, небось, чтоб семилетку в один год переделали... „Тише едешь—дальше будешь“.

Лет через десять вернусь, побрею бороду и прямо в школу дозаводского труда, вместе с сыном и скажу ему: иди молодняк по стопам отца и всюду всегда придешь во время...

Деликатная аптекарша.

В Херсоне, в аптеке рабочей поликлиники служащая—гр-ка Ключфельда отказалась идти в театр в общей группе, так как туда „затесалась“ уборщица.

И в самом деле, безобразие какое, всего то восьмой год революции, а всюду уже эти пролетарии прут...

Гр-ка Ключфельда вполне резонно рассуждала: человек который не может растереть как следует порошка или приготовить салицилки будет наблюдать театральное зрелище и еще, гдабавок, отравлять эстетическое наслаждение честного советского работника.

— Позвольте,—возражал Гаврило,—мы не умеем тереть порошков, но зато хорошо растираем в порошок, мы плохо делаем жаропонижающие, но отлично бросаем в в пот, а для эстетики, поглядите, какой у вас вид на совдурацком фронте.

Берегитесь, мадам, как бы в тыл не заехали. „Затесывать“, видели, умеем...

Чистка на прямоту.

Так вы говорите, товарищ Фаст, что ваша помощница вполне надежный человек и вы с ней работаете уже много лет...

Под гармошку обо всем понемножку.

1. Рабочий ст. Фастов, Снегура, не застав дома рабмедовского врача, пригласил к своей больной жене частного врача гр. Лопушанского. Осмотрев больную, этот врач потребовал за визит 25 рублей. Поторговавшись, согласился взять 12 рублей.

Вот такому эскулапу
Мы хвалу воспеть должны.
Протянул к больному лапу,
Осмотрел и... снял штаны.

2. На руднике № 5, имени Ленина (Донбасс) у рабочего Круглая поп служил молебен с водосвятием. Вместо воды поп освятил раствор сулемы.

Стала «Двоица», ребята,
Вместо «Тройцы», скачем мы,
Ибо дух у «духа святого»
Вышел весь от сулемы.

3. Белгородский Меатрест запросил отпущением от 30 декабря 1924 г. Рубежанский сахзавод о количестве потребного для него мела и извести. Увы, этот завод сгорел еще в 1919 году.

Вот спасибо, так спасибо!
Только знайте все-же вы:
Меловая даже глыба
Не заменит головы.

— Как же, т. председатель чистильной комиссии, знаю как самого себя, можно сказать, даже со дня своей женитьбы. При царе Николае и то вместе приходилось и ни разу не выдала не подвела. В пятом году во время волнения прямо орлом ходила.

Председатель комиссии выпустил клуб дыма и постановили оставить обоих...

После ухода комиссии Фаст говорил своей жене (она же и помощница):

— ни слова не соврал и с революционным прошлым обо.

— А то, что ты был жандармом они не спросили?

— Их это не интересует. Я сказал, что при царе мне с помощницей вместе приходилось работать, что знаю ее, т.е. тебя, со дня женитьбы, даже уменьшил, что ты в 1905 году орлом ходила, помнишь.. во время погрома на жидов.

Еще пожалуй отзовут в центр на ответственную работу и тогда прощай Черниговщина и Глуховский райместхоз...

А что, если вдруг, отзовут в Г. П. У. и вместо повышения сразу понижение на несколько этажей? Вот будет штука...

4. Вору обокрали сталинскую городскую церковь. Вопреки церковному уставу, поны ввели в церковь полицейскую собаку.

Хоть писание пространно
«Грех в собаке есть» гласит.
Но коснулось коль кармана,
То наверно бог простит.

5. Укрмут (Харьков) раздавал, не спрашивая ни адресов, ни о кредитоспособности, пекарям муку в кредит. Так, Дилянцу выдано на 833 руб., Крокилянцу на 220 руб., Доничевлянцу на 260 руб. До сих пор деньги не получены за ненахождением должников.

А теперь — везде — из'янцы,
Нет ни денег, ни муки...
Мы не знаем, — где все «янцы»,
Знаем где лишь, дураки.

6. «Более пяти штук одновременно не отпускать. На каждый взятый лимон покупателям обязан взять 1 фунт сельдей, на 5 лимонов — 5 фунтов сельдей или 1 банку компота, или 0/0 фунта московской колбасы». Из приказа по кадишевскому рабкоопу.

По кадишевским законам
Так выходит у людей:
Закуси скорей лимоном,
Коль стошнило от сельдей.

Убийственное дело.

В „Херсонском Коммунаре“ раскрываются жуткие дела.

„Дело об убийстве проститутки“ и далее похолодевший от ужаса читатель видит:

«В ряду трафаретных американских фильмов, запояющих последнее время рынок, «убийство проститутки» уступает многим картинам по внешнему блеску, по шикариности, постановки она, тем не менее, привлекает к себе внимание зрителя, если только этот зритель не оравлен любовью к трюкам и к канатным плясунам»...

Если-б остальное было на экране — полбеды, но остальное тоже в рецензии. Заключительная часть деталей жестокого злодеяния не содержит, но блещет не меньшей „шикарностью“ изложения.

Увы, критика не для всякого пригодна. Несчастные жители города Херсона, «отравленные трюками и канатными плясунами» глубины этой драмы не поймут. Не поймут, пожалуй, и рецензента Наумова, бесстрашно сражающегося на культурном фронте и разъясняющего „трудовому зрителю“ так, что даже Гаврило такого Наумова на ум не наведет.

Все таки самое „шикарное“ — это сделать гр. Наумова „нетрудовым“ рецензентом.

„Армянские“ загадки на новый лад.

— Кто это такой—богатый, живет далеко, а бедный родственник его никогда не видит?

— Американский дядюшка.

— Нет, шеф.

— Что это такое—не снилось, не гадалось, а получилось и блещит?

— Наследство.

— Нет, электрофикация.

— Когда стрелочник не виноват?

— Никогда.

— Нет, только на производственном совещании.

Все готово.

Бывший германский император Вильгельм произвел себе операцию омоложения.

Когда мы научимся обходиться без наследников,—все научились обходиться без кайзеров.

Неразбериха.

— Такая, значит, история вышла... Он говорит ему:—Плати за коммунальные услуги, и никаких двадцать.

А он ему возражает: С вас самих говорит, за ремонт отопления следует деньги не малые... Платите спервоначалу за ремонт, так мы заплотим за коммунальные...

Тогда он ему свет выключил и воду закрыл...

— Постойте, постойте... Я ничего не понимаю... Кто требует за коммунальные услуги?

— Горкомхоз.

— У кого?

— У Горкомхоза.

— Что за срунда? А дом-то чей?

— Горкомхоза.

— Позвольте, как-же это может быть? Ведь учреждение-то одно?

— Ой, какой вы непонятливый! А отделы-то разве не разные? Электростанция Горкомхоза требует с домового отдела Горкомхоза за свет. Водопроводный отдел Горкомхоза требует с хозяйственного отдела Горкомхоза за воду. А хозяйственный отдел Горкомхоза требует с финансового отдела Горкомхоза за ремонт...

— А с трамвайного отдела Горкомхоза ничего не следует?

— Во-во... Оно самое! Из-за него-то весь сыр-бор загорелся...

У нас в 145-й квартире, комната 8-я, угол 4-й вагоновожатый живет. Так все жильцы за коммунальные заплатили, а он целых 84 копейки не заплатил...

Ну его, конечно, за машинку взяли:—Плати такой сякой. А он говорит: Мне самому не платят сверхурочных трамвайный отдел Горкомхоза...

И вот выходит, что трамвайный отдел не платит сверхурочных, домовой не платит за свет, хозяйственный—за воду...

— Ладно, ладно... я уже все понял... Чем-же это все кончилось?

— А тем кончилось, что Марья Сосилькина из 14 9-й квартиры в темноте с шестого этажа все ступеньки ребрами пересчитала. Баба на сносях и несвоевременно двойню не живую родила. А мы все не пимши, не жрамши, без чая и слюной умываемся.

Аптечные сигнатурки.

Вычищенный спец—наружное.

Взятка—для внутреннего употребления.

Нэпман—перед употреблением взбалтывать.

Проворовавшийся Зав—сохранять в темном и прохладном месте.

НОВОЕ НАЧАЛЬСТВО НА РАБОТЕ.

Во многих учреждениях оказались спецы, никакого понятия не имеющие о своем производстве.

- Послушайте, что это такое?
- Рельсы.
- Ага. Я так и думал. А почему здесь возле меня они широко расставлены, а чем дальше, тем уже?
- Это обман зрения.
- Что? Обман? Под суд!

Частушечная окрошка.

1.
Ты советского не трожь,
Это не Египет:
Только ковырять начнешь,
Он тебе и всыпет.

2.
Вот, ведь, дожил до седины;
Дочка есть, три сына,
А балда и Болдуин—
Все ему едино.

3.
На меня ты не гляди
Вроде остолопа—
Состою я год, поди,
В членах Церабкопа.

4.
Что мне делать, как мне быть?
Я не взвидел свету:
„Без доклада не входить!“—
А доклада нету.

5.
Уголок твой не пустой,
Что икона—то святой.
Всех святых я выберу,
Бороды им выдеру.

6.
Мне, жена, не подливай,
Больше есть не буду щей я.
Ты Ванятке лучше дай—
В детях—наше будущее.

Вот никак
не пойму,
что и как.
Почему...
Отчего
и за что,
для кого
и на что?
Все одно
прому
все оно
самому
уж давно
ни к чему!
Отчего
и за чем,
для кого
перед кем?
Почему
суета?
Не пойму,
ни чорта...
Пустота—
на фу-фу—
тьфу!...

— Ты взялся меня учить ездить на коньках, а сам не умеешь?
— А зачем мне свои кости ломать и чтоб все смеялись? Пусть лучше другие ломают, а я буду смеяться.

Благотворительная танцулька.

Что за вкусы у оркестра?!
Улюлюканье кларнета
Из трубы—истощный рык...
Уважаемый маэстро,
За кулисами буфета
Пропустил за воротник!
Барабанные удары,
Полька, Ойра и Мазурка,
Пол блестит, как позумент.
Пары, пары, пары, пары...
Красной кофточке тужурка
Отпускает «канпаимент».
«О, гражданка... Я не актер,
Чувств своих скрывать не в силе...
Я пылаю... сам не свой»...
— «Ах, оставьте ваш характер.
Вы бы лучше угостили
Мармеладом и халвой».
Пляшут «дамы», «кавалеры»
До восьнадацатого пота—
Раз—два—три—четыре—пять.
Пострадавшим от холеры
Иль еще там отчего то
Ряды силы все отдать!!

ПРИКАЗЫ ГАВРИЛЫ.

ПРИКАЗ № 5.

Со станции Коломак мне доносят:

Заведующий Бузовской экономией Заславский имеет трех свиней, которых он кормит за счет рабочих, от пайка которых отрывает крупные куски. Кашевар т. Скрышник не хотел давать корма свиньям и за это Заславский его уволил.

Приказываю: Считать, что на Бузовской экономии не три свиньи, а четыре, причем самая крупная свинья никоим образом заведывать экономией не должна. В хлеве ее!

ПРИКАЗ № 6.

Горький вой доносится до меня из с. Любимовского Софиевского района, Запорожского округа.

Хулиганы одолевают. Недавно, после спектакля, одного из крестьян хулиганы зверски избивали палками. Несмотря на то, что об этом было заявлено, куда следует и указаны имена хулиганов, никаких результатов нет.

Приказываю: Если заявляли куда следует, и из

этого все таки ничего не следует, то надо кого следует отправить куда следует... Года на три с изоляцией.

ПРИКАЗ № 7.

Из Купянска сообщают:

В Ново-Любовской с.-х. кооперации два члена правления состоят членами церковной двадцатки, а счетовод—зять попа.

Приказываю: Следить за тем, чтобы в кооперативе лодан не продавался, а в церкви не причащались спотыкачем. О последующем мне донести.

ПРИКАЗ № 8.

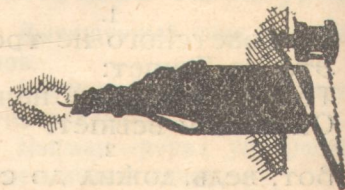
Мне попала в руки повестка Харьковской почтово-телеграфной конторы, такого содержания:

„Повѣстка“... почтово... извѣщает Р... Пушкинская 3—18 прошу явиться в экспедицию телеграфа (от 10—4), Петров-

ский 11, для уплаты недобора за тел. № 2029 от 18/хп—6 коп.

Приказываю: 1) буквы «ять» пора убрать. Относительно же недобора 6 копеек, то немедленно образовать комиссию по изысканию средств для покрытия этой суммы. Членам комиссии назначить оклад не ниже 16 разряда с нагрузкой. Пригласить 2-х счетоводов и 2-х помощников для калькуляции. Тогда глупость будет на «ять».

ГАВРИЛО.

Или художник, или наборщик напугал. Разве может свечка так гореть?

Про красного петуха.

(Событие в селе Козолуповке).

Загорелась это соседская хата. Беда! Хотя каждый и занят, а пособить надо. Схватила я кадку с водой и бегу. А навстречу мне батюшка, отец Хведор.

— Ты куда, анафема, с водой прешь? Нешто водой огонь потушишь? Клади об это место!

Поставил я кадку наземь и сам устался в попу.

— Да я што, я как все. Коли горит—значит, водой.

— Водой? Эх, ты необразованность серая. А бога забыл? Тут с иконой надо, а он с водой.

Прибег я с иконой. А хата быдто свеча горит. А народу—сила. Обсуждают значит: какой святой от огня пособляет?

— Кузничиха Маланья и говорит:

— Волоките Иверскую, у кого есть!

— А знахарка Хивря, услышав слова подобные, аж за голову схватила... Не, не за свою, за Маланьину. Целую копну вырвала.

— Иверскую? Игде-ж это видано, штоб Иверской огонь тушить? Как она мать божия и слабого полу, не бабье это дело. Тут Илья пророк надобен.

А Илья, надо тебе сказать, на усе село только у меня и есть. Да... А хата горит.

Стали рассуждать. Кто за св. Пантелиона, кто за Миколу, кто за Илью. А один даже за Алексея, божьего человека, высказался... А тут вторая хата занялась.

Началось, как говорится на ученом языке, прение. Взопрели усе—страсть. Под конец порешили Ильей тушить, как он громовержец и с огнем дело иметь привыкли...

Во как у нас в селе, организованность! И без обозов и автанабилев.

— Ну и что?—потушили?

Посела, как корова языком слизала, а кабы не догадались, чтоб было...?

Старые анекдоты на новый лад.

— Я слышал, вам удалось денационализировать свое недвижимое имущество?

— Это — маленькая перепутанница. Не мне удалось, „им“ удалось. Не денационализировать, а снять с учета соцобеза, не мое недвижимое имущество, а мою парализованную тещу.

Руководство к чтению иностранных газет.

Разворачивая газетный лист, ищи в разных странах разное.

В Эстонии — рабочих, избежавших белого террора. В Польше — самоопределения белоруссов и украинцев. В Румынии — их собственную Бессарабию. Во Франции — устойчивые франки. В Германии — благие результаты плана Дауэса. Америке — пропавшую в карманах правительства нефть.

И не найдешь, сколько не ищи. Или нет, или так украдено, что и концов нет.

Взаимное одолжение.

— Пришел это ко мне доктор и требует, чтобы я ему дал червонец.

— За что?

— За то что он меня выслушал.

— Ну а ты что?

— А я его выстукал.

А НУ — НУ,

Хоть одним глазком взгляну!

ОБЪЯВЛЯЕТСЯ ПОДПИСКА...

(Дело, стало быть, без риска).

НА ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ „ГАВРИЛО“...

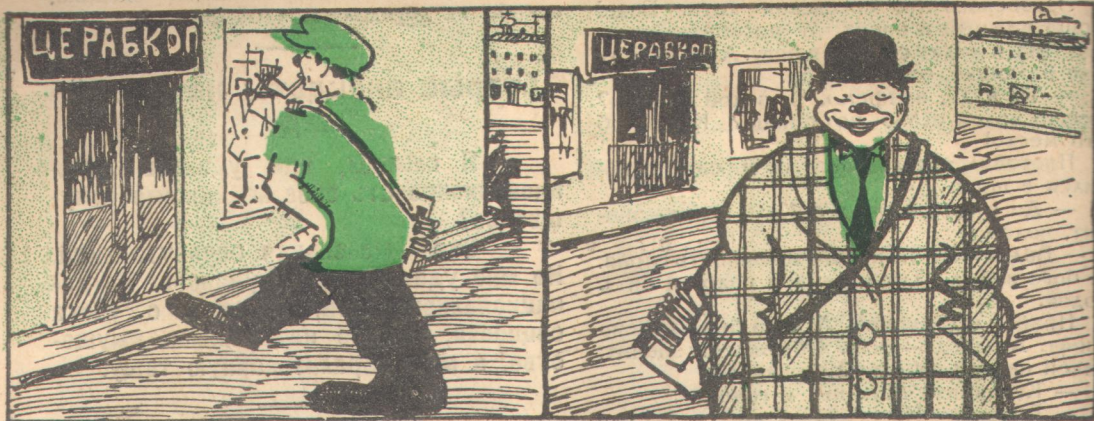
(Про меня, будто-бы... мило!...)

40 КОПЕЕК В МЕСЯЦ 2 НОМЕРА.

(Погляди, как много хорошего

И как дешево!...)

ГАВРИЛО КРЕДИТНУЛСЯ.

Как-то раз решил Гаврило;
— У меня все с виду мило.
— Но костюм мой не хорош...
— Церабкоп, кредит даеш!

Кредитнулся првотлично.
И теперь гляжу прилично.
Кавалер стал и герой,
Ловко, дуй его горой.

Шел, душою лучезарен.
Вдруг ему: — Пожалте, „барин“
Заработать лихачу...
„Вашу светлость“ прокачу.

Прут пузатые, что танки:
— Вам, мосье, доллары, франки,
Лен, стерлингов фунты?..
— „Прочь, пузатые скоты“.

От рабочих трюк неожиданный:
— „Буржуяка окаянный,
Понакрал деньги и прет“...
— Ой, братва, не узнает!“.

Если так, то в этом разе
Загоню все на Благбазе;
Нам совсем не подошло
Вот такое барахло.